ОСОБЕННОСТИ КОНСОНАНТНОГО СКЛОНЕНИЯ В ИЗБОРНИКЕ СВЯТОСЛАВА 1073 Г.

Габор Балаж (Сегед, Унгария)

Как известно, Изборник Святослава 1073 г. является весьма ценным письменным памятником славянской культуры. Хотя он и причисляется к рукописям древнерусской письменности, по мнению многих исследователей, образец для написания данного произведения надо искать все-таки в болгарской литературе IX-X вв. По всей вероятности византийский оригинал сборника хранился в библиотеке болгарского царя Симеона, а древнеболгарский (старославянский) перевод был осуществлен в его литературном кружке в Преславе. Оттуда и другое название памятника – Симеонов сборник. Первый известный список сборника был написан в Киеве, для русского князя Святослава в 1073 г., что дает основание для не менее распространенного, упомянутого в заглавии названия.[1]

Старинность памятника позволяет нам сделать определенные выводы о языке, характерном для славянских произведений древнерусской, и – по поводу протографа – и древнеболгарской поры. В своей работе мы попробуем использовать эту возможность с целью проанализировать особенности консонантного склонения в Изборнике. Для собрания нужного материала мы пользовались текстом, приведенном в замечательном болгарском издании памятника (см. сноску 1), и словарем-индексом к нему[2]

Склонение существительных с основой на согласный представляет собой старый деклинационный тип, который уже в наиболее ранних произведениях старославянского языка показывает знаки коренных морфологических изменений. Эти изменения ведут к тому, что консонантное склонение в конечном итоге перестает быть самостоятельной парадигмой и подвергается влиянию со стороны более продуктивных гласных основ (на *-ŏ-* и *-ĭ-*).[3] Таким образом эти ранние грамматические изменения нередко обеспечивают более интересный материал для историка языка, чем явления продуктивных, но менее динамичных типов.

В Изборнике представлены – хотя с неодинаковой частотностью – все подтипы консонантного склонения: 1) основы на *-n-* (*-men-, -en-*); 2) основы на *-s-* (*-os/es-*); 3) основы на *-t-* (*-ent-, -ęt-*); 4) основы на *-r-* (*-ter-, -er-*

---

[1] ***Динеков, П.*** (ред.) *Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.) в три тома. Том 1: Изследвания и текст.* София, БАН, 1991 г., с. 16.

[2] ***Динеков, П***. (ред.) *Указ. соч. Том 2: Речник-индекс.* София, БАН, 1993 г.

[3] ***Balázs L. G***. *Существительные с основой на согласный в Будапештском евангелии.* Cirill és Metód példáját követve. Tanulmányok H. Tóth Imre 70. születésnapjára. Szeged, JATEPress, 2002, c. 17.

) и 5) основы на *-ū- (-ъv-)*[4]. После такого краткого, но необходимого введения рассмотрим конкретное положение и «поведение» указанных парадигм в тексте Изборника.

1. **Существительные с основой на *-n-* (*-men-, -en-*)**

В тексте встречаются следующие лексемы мужского рода: **дьнь**, **камъı**, **корень**, **пламъı**, **ремень**, **стєпень**[5]. К среднему же роду относятся: **врѣмѧ**, **врѣмѧ**, **имѧ**, **писмѧ**, **плємѧ**, **сѣмѧ**, **чисмѧ**. При трактовке все слова в настоящей работе приводятся, как правило, в нормализованном виде, так как различные графические и фонетические варианты, сокращения и т. д. с точки зрения нашего морфологического анализа значения не имеют, а сами отклонения проявляются нагляднее. Оригинальные словоформы и их места нахождения даны в вышеуказанном словаре-индексе Изборника.

В **им. п. ед. ч.** у существительных мужского рода окончание **–ъı** встречается всего 3 раза, причем лишь с лексемой **пламъı**. Однако **камъı**, **ремень** и **стєпень** выступают только в косвенных падежах. В среднем роде мы находим исключительно окончание **–ѧ** (один раз древнерусский вариант **–ꙗ**). Из перечисленных лексем, **писмѧ** употребляется лишь в косвенных падежах.

В **вин. п. ед. ч.** в мужском роде кроме **дьнь** выступает только **пламъı**, т. е. форма им. п. ед. ч., вместо ожидаемой **пламень**. Хотя на первый взгляд это может показаться исключением ввиду того, что обычно происходит обратное (т. е. употребление окончания винительного падежа на месте именительного), на самом деле данное явление часто встречается и в Супрасльском сборнике[6]. Что касается форм среднего рода, они совпадают с формами им. п., окончание **–ѧ** лишь в двух случаях заменено древнерусским вариантом **–ꙗ**: **врѣмꙗ** (71б23) и **имꙗ** (32а15).

Для **род. п. ед. ч.** характерно окончание **–є**, что соответствует древнейшей парадигме существительных с основой на согласный, как в мужском, так и в среднем роде. В редких случаях употребляется и флексия, заимствованная из основ на *-ĭ-*: **дьни** (123г23, 147в9, 247г27), **врѣмєни** (26б18-19, 142г19), **имєни** (239а21). Кроме приведенных «отклонений» и данные лексемы везде выступают с оригинальным окончанием **–є**.

В **дат. п. ед. ч.** господствует флексия **–и**, которая в двух случаях проявляется в «раздвоенной» форме: **дьнии** (142а17), **врѣмєнии** (159г2). Хотя окончание **–ии** является характерным для род. п. мн. ч. существительного **дьнь**, приведенные две формы явно выступают с функцией дательного

[4] *Там же*, с. 17-18.

[5] К сожалению, данное слово выступает лишь один раз, в форме местного падежа (**стєпенѣхъ**), поэтому его нельзя однозначно причислить к мужскому роду, независимо от того, что в других памятниках есть примеры на это.

[6] ***Diels, P***. *Altkirchenslavische Grammatik.* Heidelberg, 1932, с. 163.

падежа: **пакъı мощть|но бъı и дьнии томѫ**; **тачє ієгда ҳнамє||нии многъı и чѧдє|съı· врѣмєнии постѫ|пивъшѧ соуштии| разҳоумъ къ нємоу**.

Формы **тв. п. ед. ч.** фигурируют с ожидаемым окончанием **–ъмь** (**–ємь**, **–ьм**), отклонений от нормы нет.

Существительные с основой на *-n-* в **местн. п. ед. ч.** употребляются всего восемь раз. За исключением формы **дьнє** (54б23-24) окончанием данного падежа является **–и**: **врѣмєни** (49б21, 115г21, 123в29, 142г15), **имєни** (186а13, 247г23), **сѣмєни** (137б15).

В **вин. п. мн. ч.** заслуживает внимания лексема **дьнь**, которая в данной морфологической категории, помимо ожидаемой формы **дьни**, иногда выступает как **дьнии** (**днии**): 81г6, 195а11, 264в16, 266б5. *Такая раздвоенная флексия как в дат. п. ед. ч., так и здесь является вовсе необычной.*

Для **род. п. мн. ч.** характерны формы с флексией **–ъ**: **врѣмєнъ**, **имєнъ**, **плємєнъ**. Исключение составляет и в данной категории лишь существительное **дьнь**. Оно в большинстве случаев употребляется с окончанием основ на *-ĭ-*: **дьнии** (**–ии**, **–їи**, **–иї**), но реже и с консонантной флексией **–ъ**: **дьнъ** (**днъ**): 42г16, 53а20, 195б4, 196а15.18, 198г22; 249б2, 249в10, 266б2.

В **дат. п. мн. ч.** встречаются следующие словоформы: **дьнємъ** (220а23); **врѣмєньмъ** (67в17, 154г1-2.4, 200г7-8), **имєномъ** (так!, 249в5), **чисмєньмъ** (237а15-16), а в **тв. п. мн. ч.** следующие: **дьньми** (247г20-21, 249в15), **имєнъı** (**имєны**) (10в1, 223а22, 223б24).

Формы **местн. п. мн. ч.** характеризуются окончанием **–ьҳъ**, **–єҳъ** (один раз **–ѣҳъ**: **плємєнѣҳъ** 138а14). Загадочная форма **дьни** (165б27-28) наряду с **дьньҳъ** (7г27, 248г7, 249в12, 255а20) обясняется, вероятно, графически, так как она выступает в следующем контексте: **и съвръша|ть въ блгъıиҳъ·дьни иҳъ**.

Кроме представленных падежей встречается еще два: **вин. п. дв. ч.** (**плємєни** 259в12, с окончанием из основ на *-ĭ-*) и **род. п. дв. ч.** (**плємєноу** 151в24).

2. **Существительные с основой на *-s-* (*-os/es-*)**

Из представителей основ на *-s-* в тексте встречаются следующие существительные имена среднего рода: **дивο** (только в формах им. и вин. п. мн. ч.), **дрѣвο**, **дѣло**, **лицє**, **нєбο**, **окο**, **словο**, **тѣло**, **оухο**, **чоудο** (**чѧдο**).

Формы **им.** и **вин. п. ед. ч.** выступают с окончанием **–о** и его соответствующим мягким вариантом **–є** (**лицє**). Единственное исключение – это словоформа **словє** (14а6), которая является явной ошибкой писца[7].

Набор флексий **род. п. ед. ч.** состоит из трех вариантов: **–є** (оригинальное окончание существительных с основой на согласный,

[7] ***Динєков, П.*** (ред.) *Указ. соч. Том 1*, с. 223, сноска 1.

которое в тексте является господствующим): **нєбєсє** (14 раз), **очєсє** (4 раза), **словєсє** (11 раз), **тѣлєсє** (9 раз); **–и** (окончание, взятое из основ на *-ĭ-*): **очєси** (222b25), **тѣлєси** (12а20), **чюдєси** (90б29) и **–а** (окончание из основ на *-о-*): **дѣла** (9 раз, **дѣлꙗ** 96г24), **дрѣва** (исключительный вариант, встречается 8 раз), **лица** (23 раза, также исключительный вариант), **ока** (183б5), **слова** (9 раз), **тѣла** (11 раз), **чоудa** (67а6).

В **дат. п. ед. ч.** окончание **–и** (**нєбєси** 13б13, 49г9; **словєси** 11б20, 150а26-27, 202г8, 235б5; **тѣлєси** 14б9, 25г15-16, 61а5, 134а1-2, 240б13), которое у существительных с основой на *-n-* являлось единственным, в данной парадигме употребляется реже, чем другое, более характерное для текста Изборника **–оу** (**–ѹ**): **дрѣвоу** (22г5, 258а3), **дѣлоу** (19в18, 122в29), **лицю** (33а23-24, **лицѫ** 192а20), **нєбоу** (21б28), **словоу** (6б10, 14в12-13, 16а10-11.26, 24а14, 25в10, 186а10, 187в13), **тѣлоу** (15 раз). Флексия **–оу** происходит из парадигмы существительных с основой на *-о-*.

В **тв. п. ед. ч.** морфологических отклонений нет, употребляются разные фонетические и графические варианты окончания **–ѣмь** (**–ѣмь**, **–омь**, **–омъ**, **–ом**, **–ємь**). Один раз, однако, по ошибке встречается форма **лиць** (165б15) в следующем контексте: **и|мьжє жизнь и съмрь|ть дахъ прѣдъ лиць| вашимь**.

Для **местн. п. ед. ч.** характерным окончанием является **–и** (из основ на *-ĭ-*), помимо которого употребляются и следующие, менее продуктивные флексии: **–є** (**словєсє** 7а3; **тѣлєсє** 13б18) и **–ѣ** (**дрѣвѣ** 155а1, 170а22, 177г23; **дѣлѣ** 122б18, 200г22, 239г1; **тѣлѣ** 25б24, 224а15-16). Последний вариант свидетельствует о влиянии основ на *-о-*.

Словоформы **им.** и **вин. п. мн. ч.** оканчиваются на **–а**. Исключение составляет лишь существительное **дивo**, которое в им. п. мн. ч. выступает в форме **дивєса** (120б5), а в вин. п. мн. ч. – в форме **дивъı** (130а20-21), т. е. с окончанием из основ на *-о-*.

В **род. п. мн. ч.** употребляется флексия **–ъ**, представляющая собой исконное окончание консонантных основ. Единичное отклонение от такой нормы – это форма **дѣлъı** (200в16-17), которую можно считать просто ошибкой.

В **дат.** и **тв. п. мн. ч.** морфологических отклонений от нормы нет. Окончанием дат. п. мн. ч. является **–ѣмъ** (**–ємъ**), но встречается и заимсвованное из основ на *-о-* **–омъ** (**дрѣвомъ** 60а23; **дѣломъ** (17 раз)) В тв. п. мн. ч. всегда употребляется **–ъı** (**–ı**), которое в следующих случаях присоединяется к корню именительного падежа: **дрѣвъı** (212в7), **дѣлъı** (10 раз, в то время как форма **дѣлєсъı** употребляется 4 раза).

Словоформы **местн. п. мн. ч.** выступают со следующими окончаниями: **–ѣхъ**, **–єхъ** (**дрѣвєсєхъ** 124а25-26; **нєбєсьхъ** (13 раз); **словєсьхъ** (6 раз); **тѣлєсєхъ** 232а26-27), и (вследствие заимствования из основ на *–о-*) **–ѣхъ**, **–**

ихъ (**дрѣвесѣхъ** 154б18-19; **дѣлѣхъ** (12 раз); **небесѣхъ** 45а25; **словесѣхъ** 116г28; **лицихъ** 21а24).

Лексемы **око** и **оухо** нередко встречаются и с окончаниями **дв. ч.**, но отклонений от морфологической нормы нет.

3. Существительные с основой на *-t-* (*-ent-, -ęt-*)

В тексте встречаются следующие словоформы существительных среднего рода, относящихся к данной деклинационной группе:

агнѧ (им. п. ед. ч., 153в13),

овьча (им. п. ед. ч., 184в19), **овьчѧ** (вин. п. ед. ч., 160в18), **овьчѧта** (им. п. мн. ч., 155г4-5),

осьлѧ (им. п. ед. ч., 86г7), **осьлѧ** (вин. п. ед. ч., 149в1), **осьлѧтє** (так!, им. п. мн. ч., 86г21).

Из приведенных форм заслуживает внимания лишь окончание им. п. мн. ч. в слове **осьлѧтє**. Пример единичный, поэтому такую флексию можно считать ошибкой писца, но не исключено здесь и влияние существительных типа **камъı/каменє**.

4. Существительные с основой на *-r-* (*-ter-, -er-*)

Как известно, к этой группе относятся только два существительных: **мати** и **дъшти**. В Изборнике они оба употребляются, а относительно словоформ можно сказать следующее:

В **им. п. ед. ч.** наряду с «нормальными» формами **мати** (9 раз) и **дъшти** (183г4, 251г16, **дъщи** 254г26) один раз встречается уже известная из предыдущих наблюдений «раздвоенная» флексия: **дъштии** (149в12).

В **вин. п. ед. ч.** фигурируют следующие формы: **матєрь** (92в10, 97г14, 183г5, 252а1-2, 255б17) и **дъштєрє** (149б12-13.19). Последний пример является манифестацией *категории лица*, т. е. употребления родительного падежа на месте винительного с существительными, обозначающими лиц.

Для **род. п. ед. ч.** характерно окончание –**є**: **дъштєрє** (137а9.12, 124а4), **матєрє** (92в13, 206б2, 216а25.29, 216в2, 249г1-2, 265г28). Лишь в одном случае употребляется окончание из основ на *-ĭ-*: **матєри** (216г20).

Для **дат. п. ед. ч.** в тексте примеров нет, а для **тв. п. ед. ч.** только один (морфологически «правильный»): **матєрьıѫ** (216в6-7.20).

К сожалению, в **местн. п. ед. ч.** встречается лишь форма **дъштєри** (170г18), с обычной флексией из основ на *-ĭ-*.

В **звательной форме** (которая совпадает с им. п.) ед. ч. выступает **дъшти** (99б3).

В **им. п. мн. ч.** встречается форма **дъштєри** (80а7, 103г6-7, **дъштєрї** 156а7), а в **вин. п. мн. ч.** также **дъштєри** (8 раз).

Влияние основ на *-ĭ-* показывается в единичной словоформе **род. п. мн. ч.**: **дъштєрии** (103а25).

Кроме перечисленных форм в Изборнике употребляются еще следующие: **дъштєрьми** (тв. п. мн. ч., 262б25), **дъщєри** (им. п. дв. ч., 212в21, 216г6-7), **дъштєрьма** (тв. п. дв. ч., 37в27-28, 212в23). В них отклонений от грамматической нормы не наблюдается.

5. Существительные с основой на *-ū- (-ъv)*

Из данного типа склонения в тексте Изборника представлены лексемы **бръвь** (только в вин. п. мн. ч.), **жрьнъı** (в местн. п. мн. ч.), **кръвь**, **любъı**, **нєплодъı** (в род. п. ед. ч.), **свєкръı** (в вин. п. ед. ч.), **смокъı**, **хоржгъı** (в форме **хороугъвъ**), **црькъı**.

В **им. п. ед. ч.** господствует окончание **–ъı** (**-ы**), исключение составляют лишь существительное **кръвь** (8 раз), которое ни в одном письменном памятнике не выступает в форме ***кръı**, и существительное **хороугъвъ**, которое свидетельствует об употреблении формы винительного падежа на месте именительного.

Для **вин. п. ед. ч.** характерным окончанием является **–[ъв]ь** (один раз – **[ьв]ь**), но следует отметить две «аномалийные» формы: **ц(р)квє** (158б9, 180г12; наряду с формами на **–[ъв]ь** 31а18, 35в7, 89б26-27, 89г6-7, 109в15, 157а8, 177а15, 207б5, **црьквь** 197г19-20) и **любъвє** (34г1-2, 38г26, 41г11, 144а25, 144б4, 184б25-26, 218б20, 222б1, 225в21) без соответствующих вариантов на **–[ъв]ь**. Примеры с окончанием **–[ъв]є** в самом деле представляют собой формы родительного падежа. Здесь, однако, речь идет не о категории лица, отмеченной в связи с существительными с основой на *-r-* (см. выше), ведь данные лексемы обозначают предметы, а не лиц. Это явление встречается уже в самых ранних письменных памятниках старославянского языка[8]. Возможной его причиной некоторые исследователи считают сходство окончаний консонантного и местоименного (где формы вин. п. ед. ч. часто совпадают с формами вин. п. ед. ч.) склонений[9].

В **род. п. ед. ч.** обычно употребляется окончание **–є**, как и в других типах консонантного склонения: **любъвє** (12 раз, **лжбъвє** 22г26), **нєплодъвє** (18в29), **кръвє** (195г22), **црькъвє** (в нескольких графических вариантах, 7 раз). Последние две лексемы, однако, встречаются и с окончанием (из основ на *-i-*) **–и**: **кръви** (9 раз), **црькъви** (165в12-13, 214б27, 258б22).

[8] ***Diels, P***. *Указ. соч.*, с. 179.

[9] ***Hujer, O.*** *Slovanská deklinace jmenná.* Praha, 1910, c. 96-97.

В **дат. п. ед. ч.** встречаются следующие формы: **любъви** (5 раз), **цр҃к(ъ)ви** (4 раза), а в **тв. п. ед. ч.**: **кръвиѭ** (99г6, 121б18, 166в10-11, **кръвьıѭ** 124г9), **любъвьıѭ** (55а27, 156а8, 169а8-9, 218г6-7, 231б29), **цр҃квиѭ** (91а1).

Для **местн. п. ед. ч.** и в этой деклинационной группе характерно окончание **–и** (из основ на *-ĭ-*): **любъви** (210а23-24), **смокви** (42б25, **смокві** 85в8), **цьрькъви** (42б9-10, 49в27, 49г15-16, **цр҃къви** 49в12, 219а16). Лишь два раза употребляется окончание **–є**: **цр҃квє** (122в2, 197г15).

В **звательной форме** (которая здесь совпадает не с им., а род. п.) ед. ч. выступает **любъвє** (173б11-12).

Во множественном числе выступают следующие словоформы: **любъви** (им. п., 232г12-13), **цр҃кви** (им. п., 89в9.18); **бръви** (вин. п., 78в13-14), **кръви** (вин. п., 95в26, 109в26, 178в18); **любъви** (вин. п., 40в27); **цр(ь)к(ъ)ви** (вин. п., 89в14, 89в27-28); **кръвии** (род. п., 76а18, окончание из основ на *-ĭ-*), **цр҃к(ъ)въ** (род. п., 33в24-25, 106б15, 106в6); **кръвьмъ** (дат. п., 192б26-27), **цр҃квамъ** (дат. п., 22г13); **жрьнъвдахъ** (так!, местн. п., 212а1-2), **кръвьхъ** (местн. п., 88а22), **цр҃кваχъ** (местн. п., 157в22).

Рассмотрев материал, проанализированный выше, можно сделать несколько общих замечаний, относящихся к консонантному склонению в Изборнике Святослава в целом.

В тексте памятника засвидетельствованы все типы склонения существительных с основой на согласный, и примеров немало. Наряду с характерными, этимологически «правильными» окончаниями, во всех подтипах наблюдается и употребление флексий, заимствованных из других основ (на гласный). Особенно наглядно это проявляется в род. и местн. п. ед. ч. В род. п. ед. ч. преобладает окончание **–є**, но кроме него нередко обнаруживается **–и** (из основ на *-ĭ-*): у основ на *-n-* — 6 раз, у основ на *-s-* — 3 раза, у основ на *-r-* — 1 раз, а у основ на *-ū-* — 12 раз. Заслуживает внимания, что кроме этих двух флексий у существительных с основой на *-s-* (и только там) употребляется и взятое из основ на *-o-* окончание **–а** 63 раза (!). В местн. п. ед. ч. характерным же окончанием является заимствованное из основ на *-ĭ-* **-и**. Старое окончание **–є** встречается всего 5 раз, а взятое из основ на *-o-* **-ѣ** — 8 раз (все примеры из основ на *-s-*). Из-за нестабильности консонантного склонения в тексте Изборника иногда выступают произведенные с помощью разных суффиксов варианты слов, которые таким образом принадлежат к продуктивным парадигмам: **дьнье** (194г29, 195б16), **камъкъ** (25 раз!), **корєниє** (154г12), **пламєниє** (153г21-22), **агньць** (153в2-3), **жрьновъ** (190г25-26). Такое суффиксальное словообразование

оказалось весьма распространенным способом для устранения консонантных основ в истории славянских языков[10].

Несмотря на многочисленные «отклонения от грамматической нормы», с уверенностью можно сказать, что довольно архаичное употребление существительных с основой на согласный в Изборнике Святослава сохраняет морфологический облик наиболее старых произведений древнеболгарских писцов.

[10] ***Karaś, M***. *Z historii prasłowiańskiej deklinacji spółgłoskowej.* Symbolae linguisticæ in honorem Georgii Kury Symbolae linguisticć in honorem Georgii Kuryùowicz, A. Hiene и др. (ред.). Wrocùaw-Warszawa-Krakow: Ossolineum, 1965, с. 159-169.